Георгий Юрмин

Дедушкины очки

Издательство „Малыш" 1972

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В данной книге «Дедушкины очки» занимательно рассказывается детям об оптике.

-
  - Как у дедушки глаза потерялись
  - Две оглобли за ушами
  - Удивительный вопрос — для чего вам длинный нос?
  - Почему да почему?
  - Мне не страшен Карабас!
  - Какие очки лучше?

Георгий Юрмин

Дедушкины очки

Издательство
"Малыш" Москва 1972

СОДЕРЖАНИЕ

Как у дедушки глаза потерялись
Две оглобли за ушами
Удивительный вопрос — для чего вам длинный нос?
Почему да почему?
Мне не страшен Карабас!
Какие очки лучше?

Как у дедушки глаза потерялись

Как у дедушки глаза потерялись

У меня есть дедушка. Волосы у дедушки белые-белые.

Я спрашиваю:

— Почему они такие!

— Время их посеребрило.

Спина у дедушки сутулая-сутулая.

Я спрашиваю:

— Почему она такая!

— Время её сгорбило.

Глаза у моего дедушки добрые-добрые, и вокруг них -сеточки. Тоже, наверное, от времени. И на этих добрых глазах всегда очки в блестящей оправе.

Я спрашиваю:

— Дедушка, для чего тебе очки!

А он мне, точь-в-точь как волк Красной Шапочке, отвечает «толстым» голосом:

— Чтобы лучше тебя видеть. Глаза-то от времени совсем слепыми стали. Однажды дедушка говорит:

— Не знаешь, куда мои глаза подевались!

Я удивился: разве можно глаза потерять!

А дедушка смеётся:

— Да это я про очки. Они ведь мне взамен глаз.

Стал я дедушкину пропажу повсюду искать. Потом взглянул на дедушку — а очки-то у него на носу.

— Вот видишь, — вздохнул он, — видать, и память временем отшибло.

А в другой раз очки, правда, потерялись. Мы всё перерыли — нигде нет: ни на столе, ни под столом, ни на полочке. И на носу тоже нет. Словно сквозь землю провалились.

— Как же ты, дедушка, будешь свои газеты читать!

— Попробую бабушкины очки надеть.

И надел. Да только они ему не подошли, ещё хуже стал видеть. Потому что зрение у разных людей разное, и стёклышки в очках у каждого свои, особенные. Что как раз бабушке — не годится дедушке. И наоборот.

— Как же ты, дедушка, будешь теперь свои газеты читать!

— Да придётся, Шурик, пока не найдём пропажу, схитрить, поступить так, как в старину поступали.

— А как?

— Да вот так.

Взял дедушка увеличительное стекло в оправе с ручкой — лупу — и давай водить стекло по газетным строчкам.

Без лупы буквы — крошечные мушки, а с лупой — каждая чуть ли не со спичечный коробок.

— Ох, как неудобно! — приговаривал дедушка, зажмуривая левый глаз и не переставая водить рукой по строчкам. — Хоть бы поскорей мои настоящие очки нашлись.

Мне стало жалко дедушку: что он, бедный, мучается. И я — опять давай искать очки.

Всё-таки разыскал. Они между страницами дедушкиной книги спрятались. Лежат себе там, противные, и помалкивают. Будто не их ищут.

— Вот твои очки, дедушка!

Две оглобли за ушами

Две оглобли за ушами

— Ну, Шурик, опять несчастье: оглобли у моих колёс сломались, — пожаловался дедушка.

Я сперва удивился: какие ещё оглобли! У каких колёс! А потом вспомнил про дедушкину загадку и всё понял.

Загадка такая:

Что такое перед нами?
Две оглобли за ушами.
На глазах — по колесу,
И сиделка на носу.

Угадали!

Я тоже сразу догадался и как закричу; «Очки! Очки!»

Вот эти самые дужки-оглобли, которые цепляются за уши, и сломались. Поэтому стёкла-колёса то и дело падали с дедушкиного носа.

— Что же делать!

— Ты не волнуйся, — успокаивал меня дедушка, — отнесём в мастерскую и починим. А пока давай опять сделаем, как в старину делали.

Дедушка к каждому очку — по шнурку, очки — на нос, бантиком завязал шнурки на затылке и как ни в чём не бывало принялся за газету.

— В старину так очки держались! — спросил я, когда мне надоело любоваться дедушкиным затылком с торчащим на нём бантиком.

— Не совсем так, но похоже. Оба стекла с «сиделкой» привязывали к шапке. Вместе с шапкой их и надевали. А то, бывало, вставляли стёкла в кожаную ленту и обвязывали её вокруг головы. Первым это догадался сделать один королевский доктор. Уж очень его величество сердилось, когда очки без конца падали с королевского носа. Король обрадовался, стал благодарить своего придворного доктора. А когда тот умер, велел написать на его памятнике золотыми буквами такие слова: «Здесь покоится Сальвино Армати — изобретатель очков. Боже, прости ему грехи!»

Рассказал мне дедушка эту историю и опять уткнулся в газету. Но не долго он читал, не долго носил очки «по-королевски». Надоело ему то и знай поправлять спадающий шнурок и без конца возиться с упрямым бантиком. Когда бантик

развязался в десятый раз и очки снова упали, дедушка не выдержал:

— Бежим скорей в мастерскую. А то ещё разобьются.

Теперь у дедушки снова две оглобли за ушами, и очки больше не падают.

Удивительный вопрос — для чего вам длинный нос?

Чудно: вчера мне было только пять лет, а сегодня уже шесть! Всего один день, а стал я на целый год старше.

Это потому, что сегодня у меня день рождения. Хорошо! Все подарки мне дарят.

Мама купила альбом и краски. Папа — мячик и книжку про Буратино. Только дедушка ничего не покупал. Он порылся в ящике, достал свою старую подзорную трубу, которую ему когда-то давно подарил его папа, и протянул мне:

— На, пользуйся. Пусть мои очки теперь тебе послужат.

— Спасибо, дедушка! Только почему ты говоришь «очки»! Это же подзорная труба.

— Труба-то — труба. Но она потому и подЗОРной называется, что от неё, как от очков, человек становится более ЗОРким. И ещё. Если бы не самые обыкновенные очки, не бывать на свете и подзорной трубы.

И дедушка рассказал мне такую историю.

Давным-давно жил-был мастер стекольных дел. Взял он как-то увеличительное стекло и стал разглядывать в него мушиную лапку. Смотрит, а перед ним не тонюсенькая лапка, а бревно.

Это только от одного стёклышка такие чудеса! А если взять два или три! Они, наверное, будут ещё больше увеличивать.

Попробовал — так оно и есть.

Всё бы хорошо, да неудобно стёкла в руках держать. Вот бы сделать двойные или тройные очки, тогда руки для работы освободятся. Но где взять такой длинный нос, чтобы все стёклышки уселись на нём, как воробьи на жёрдочке!

— Придётся обойтись без длинного носа, — решил мастер. — Но как!

Думал, думал — и придумал. Выручила длинная металлическая трубка. Внутри неё стёклышки держались даже лучше, чем на носу.

Так появилась на свет подзорная труба, которую в старину называли зрительной трубой.

Морякам она сразу пришлась по вкусу, и они стали брать её с собой в далёкие плавания. В подзорную трубу хорошо наблюдать за морем: далеко видно.

То и дело моряк, который держал её у глаза, выкрикивал: «Слева по борту — шлюпка! Впереди по курсу — земля!»

— Вот и ты тоже смотри в свою подзорную трубу и, как моряк своему капитану, докладывай обо всём мне, — сказал дедушка.

Я и смотрю. А как увижу в окно что-нибудь интересное, кричу дедушке: «Слева самолёт летит! Впереди на дереве воробей клюв о ветку чистит!»

Хорошая у меня подзорная труба! Глазастая! Но разве сравнишь её с телескопом, о котором мне дедушка рассказал.

Телескоп — это тоже подзорная труба. Только она большая и очень тяжёлая. Руками не удержишь. Телескоп на пушку похож и, как пушка, — на прочной подставке. Стёкла в нём такие сильные, что даже еле-еле мерцающие в небе звёздочки разглядывать можно.

Вырасту — мы с дедушкой обязательно пойдём в обсерваторию, где этот телескоп стоит. Я тогда все звёзды рассмотрю. И про Луну не забуду. Увижу её горы, пустыни и сухие лунные моря. Потому что телескоп-дальнескоп всё далёкое делает близким.

Почему да
почему?

Почему да почему?

День-деньской я пристаю к дедушке:

— Почему кошка мяукает! Почему ветер дует! Почему у меня на носу веснушки!

Почему да почему!

Дедушка удивляется:

— Что ты всё почемукаешь!

А я и сам не знаю, почему «почему» без спросу у меня изо рта выскакивает!

Вот и сегодня. Дедушка говорит: «Очки». А я своё: «Почему очки!»

— Потому что их на глаза надевают, а глаза в старину называли «очами». Очи, очки — похоже. Правда!

Дедушка говорит:

— Сегодня мы с тобой сходим в Юрину школу.

— Почему в школу!

— Потому что твой распрекрасный братец опять двоек нахватал.

Пока дедушка разговаривал с Юриной учительницей в опустевшей после занятий школе, я потихоньку заглядывал в классы. В одном из них я увидел на столе какую-то трубочку на подставке.

Когда дедушка, огорчённый беседой с Юриной учительницей, подошёл ко мне, я опять започемукал:

— Почему там трубка на подставке!

— Это не трубка на подставке, а микроскоп-мелкоскоп, — сразу догадался дедушка. — Он все мелкие предметы увеличивает. Даже невидимое делает видимым. Хочешь, покажу!

Ещё бы не хотеть! И с разрешения Юриной учительницы мы отправились в класс на микроскоп смотреть.

Микроскоп — это маленькая подзорная труба. Она сидит на подставке и глядит своим глазком вниз, на крошечный столик с отверстием посредине. Под столиком у микроскопа — круглое зеркальце.

Дедушка нашёл тонкое длинное стёклышко, капнул на него воды из стоящей рядом бутылки, положил стёклышко на столик, так что капля пришлась как раз над отверстием, приставил свой глаз к верхнему концу трубки и стал то так, то эдак поворачивать круглое зеркальце.

— Почему ты зеркальце крутишь! — снова взялся я за своё.

— Чтобы зайчик на каплю направить. Иначе ничего не увидишь. Ага! Вот теперь хорошо. Ну-ка, посмотри на каплю. Нет, сначала просто глазами.

Я посмотрел — и ничего особенного не заметил. Капля как капля.

А глянул на неё в трубку микроскопа-мелкоскопа, даже испугался. Куда девалась капля! Вместо неё было море, и там плавали какие-то страшилища, усатые и мохнатые.

Усачи называются туфельками. Они только на вид грозные, а на самом деле для людей не опасны. Вот невидимки микробы — те другое дело, те часто людям вред приносят. Выпьешь сырой воды, эти микробы попадут в живот, и можно заболеть.

…Когда мы с дедушкой шли домой, микроскоп и микробы у меня из головы не выходили. Потом я стал думать про Юру. Может быть, он потому плохо учится, что в него попали «двоечные микробы»! А что если Юрку в микроскоп хорошенько разглядеть, и если обнаружатся эти самые микробы, взяться за его лечение!

Я спросил об этом дедушку.

А он смеётся:

— Разве наш Юрка капелька воды, или лепесток цветка, или мушиная лапка, или зелёный лист! Нет, людей в микроскоп не разглядывают. Вот если взглянуть через микроскоп на Юрин волосок, ноготок или капельку крови из его пальца, — тогда другое дело. Но и без микроскопа ясно, что сидят в Юре «двоечные микробы». Ничего, вылечим!

Мне не страшен
Карабас!

Мне не страшен Карабас!

В книжке, которую папа подарил мне на день рождения, живут: деревянный мальчик Буратино со своими друзьями Мальвиной, Пьеро, пуделем Арте-моном и их недруги — Карабас-Барабас, Лиса Алиса и Кот Базилио.

Раньше я всех их знал только по картинкам. А однажды увидел их живыми, не картиночными.

Это случилось, когда мы с дедушкой были в театре.

Места нам попались скверные — в конце зрительного зала, у задней стенки. Зрители радуются проделкам Буратино, сердятся на злого Карабаса-Барабаса, а я сижу и глазами хлопаю. Другим ребятам хорошо всё видно, а мне — ничего. Хоть плачь, никак не разгляжу издалека, что происходит на сцене.

Спасибо, дедушкины очки выручили. Не простые, с дужками-оглоблями, а очки-бинокль.

Это две такие трубки-коротышки, скреплённые вместе. Тоже со стёклышками. С одной стороны стёклышки маленькие, с другой большие.

Сначала дедушка сам в бинокль глядел, потом мне отдал. Я обрадовался, смотрю во все глаза через маленькие стёклышки… и ничегошеньки не вижу. Где там Буратино, где Мальвина!.. Передо мной два каких-то размытых круга, в них что-то мелькает, а что — не разберёшь.

Дедушка заметил, я ёрзаю, никак к биноклю не прилажусь, и шепчет:

— Покрути винтик между трубками, станет хорошо.

И правда, сразу два круга слились в один, и в нём ясно-ясно увидел я Буратино. Как будто он совсем рядом.

Но недолго я радовался. Вдруг из бинокля на меня как глянет волосатая, носатая, криворотая рожа Карабаса-Барабаса. Я испугался страшилища и скорей закрыл глаза:

— Не нужно мне, дедушка, твоего бинокля. Я боюсь.

— А ты смотри на Карабаса-Барабаса в другой конец бинокля, где стёкла большие.

Я послушался совета, и злодей сразу отдалился от меня, сделался маленьким и совсем не страшным.

Так я всё время и вертел бинокль. На всех хороших: на Буратино, на Мальвину и пуделя Артемона — смотрел через «близкие», маленькие стёкла, на всех плохих: на Карабаса-Барабаса, на Лису Алису и Кота Базилио — через «далёкие», большие.

Ох, и смеялся же дедушка: «Ловко, — говорит, — придумал!» И с тех самых пор, чуть я провинюсь, берёт свой бинокль и в наказание смотрит на меня через «плохие» стёкла.

Я терплю, терплю, потом говорю: «Не сердись, дедушка! Я больше не буду. Смотри на меня, пожалуйста, через «хорошие» стёкла!

Какие очки лучше?

Какие очки лучше?

В старом дедушкином альбоме мне попалась фотокарточка бравого моряка. У него чёрная фуражка с белым кантом и с золотым якорем, на плечах — погоны со звёздочками, на рукавах — нашивки. И вся грудь — в боевых орденах.

— Это кто! — спросил я дедушку.

— Нет, вы только подумайте, родного деда не узнал!

Смотрю — и правда, дедушка. Только не старенький, как сейчас, а молодой. И усы — его, только чёрные, не седые. И весёлые глаза, вокруг которых ещё не успели появиться морщинки, — тоже его.

Фотограф снял дедушку возле какой-то высокой трубы.

— Зачем труба!

— Как зачем! Ведь это тоже мои очки. Они мне исправно служили во время войны с фашистами. Я тогда был моряком и плавал на подводной лодке.

Я стал просить дедушку: «Расскажи, расскажи». Он и рассказал.

Подводная лодка потому так называется, что умеет, как рыба, под водой плавать.

Все другие военные корабли: крейсеры, линкоры, эсминцы — знай по поверхности моря скользят, в глубь — ни-ни-ни. Л этот на поверхности редко гостит. Всё больше — в рыбьем царстве. Понадобится — и вовсе на дно морское уляжется, рядом с неторопливыми морскими звёздами и крабами, пока не прикажут всплыть.

Подводную лодку, когда она погрузится в море, никто не видит, а она — всех.

Подводные очки — вот, что делает её зрячей. По-настоящему они называются перископом.

Это длинная зрительная труба. Когда лодка под водой, кончик её зрительной трубы выглядывает наружу и своим стеклянным глазом всё вокруг примечает. А что заметит кругоскоп-перископ, то, понятное дело, видит и моряк-подводник, который снизу в него глядит.

Вот на одной из таких подводных лодок мой дедушка и плавал, в такие подводные очки и глядел.

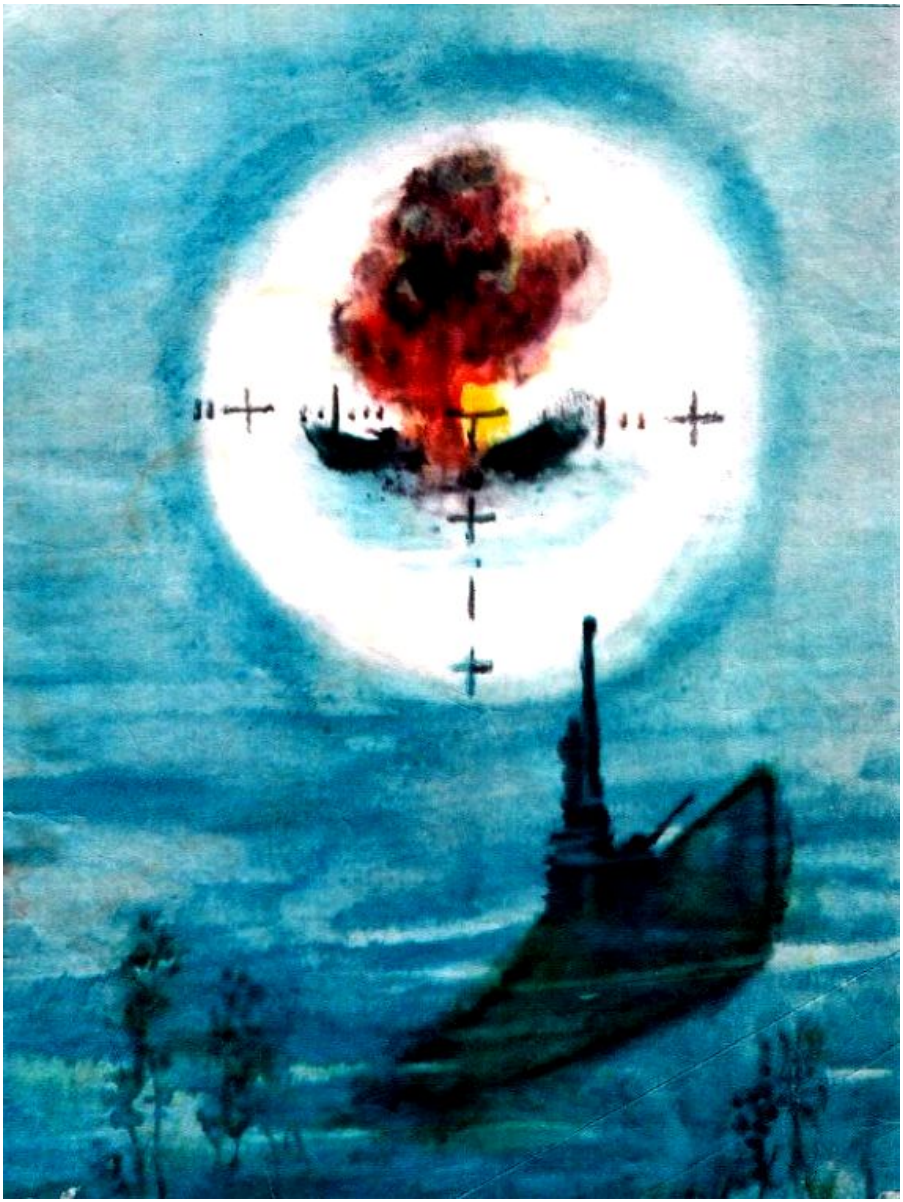
Однажды дедушкина подводная лодка получила приказ найти и уничтожить фашистский крейсер. Наши моряки давно охотились за этим разбойником.

На рассвете вышли в море. Дедушка приник к перископу, поворачивает его трубу в разные стороны. Пустынно море. Кроме белых барашков от волн, кругом — ничего.

На следующий день далеко-далеко, где небо сходится с землёй, появилась едва заметная точка. Ближе, ещё ближе — и точка превратилась в громадный вражеский крейсер. Он в толстой броне — не каждым снарядом прошибёшь. Во все стороны торчат грозные пушки.

«Ага, попался, фашист! Теперь не уйдёшь», — подумал дедушка и приказал потопить разбойника.

А сам в перископ наблюдает за крейсером. Видит, остроносая торпеда с взрывчаткой поплыла под водой к цели. Она всё ближе, ближе к вражескому крейсеру. Есть! Раздался громовой взрыв, корабль окутался чёрно-красным дымом, раскололся, как орех, на две половинки и стал тонуть.



— Вот она, память о потопленном разбойнике, — сказал напоследок дедушка.

С этими словами он взял в руки свою старую фотокарточку и показал на большую звезду, которая вместе с другими орденами украшала его грудь.

…Очень мне понравился кругоскоп-перископ! Вот вырасту, стану, как дедушка, в кругоскоп-перископ за кораблями врага подсматривать…

Или нет, лучше буду в телескоп-дальнескоп далёкие звёзды разглядывать.

Или в микроскоп-мелкоскоп невидимок искать…
Прямо не знаю, какие же очки мне выбрать!!

Для старшего дошкольного возраста

Георгий Юрмин

ДЕДУШКИНЫ ОЧКИ

Художник Б. Степанцев

Редакторы Н. Постникова и Е. Рымова
Художественный редактор Ю. Подлазова
Технический редактор Е. Соколова
Корректор Н. Шадрина
Сдано в производство 22/IX-78 г.
Подписано к печати 15/III-79 г.
Бумага № 1 60x90 1/8. Печ. л. 1. Уч.-изд. л. 1,04
Тираж 150 000. Заказ № 585. Изд. № 317

По оригиналам издательства «МАЛЫШ»
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР

Московский комбинат бумажных изделий Российского государственного промышленного хозрасчетного объединения по производству игрушек «Росигрушка» Министерства лёгкой промышленности РСФСР.
Москва, Люсиновская, 39

Отпечатано на Чеховском полиграфкомбинате Зак. 62